

Снеговик увидел снеговичку и забилось сердечко, как птичка,
Засияли искринки в глазах: Белоснежная девочка, ах!..
Так однажды на снежной планете их слепили, придумали дети,
В нашем парке у старого клена двух счастливых, друг в друга
влюбленных...
/Н.Капустюк/

После шестой выпитой рюмки я поняла, что жизнь потеряла всякий смысл. Если до третьей, провозглашенной за любовь, в моей душе еще теплилась надежда, что все может наладиться, то после...

Я скользила взглядом по лицам моих соратниц по борьбе за чужую красоту, как я мысленно нарекла девушек нашего салона красоты «Аурика», и не задерживалась ни на одном. Не по причине... неважного фокуса, а вследствие отсутствия прекрасного лица. Мне захотелось оценить свое лицо. Я не пошла в дамскую комнату, а двинулась нетвердой походкой в холл ресторана, где наш дружный коллектив отмечал приближение Нового года. Именно, там, в холле, висело огромное зеркало, способное передать мою неземную красоту и оценить достоинства фигуры.

Приложившись в стене левой рукой, я приблизила свое лицо к зеркалу, облизала губы, придав яркость несмываемой помаде, взлохматила свободной рукой свои и так непослушные рыжие волосы и пронзила взглядом зеленых глаз свое отражение.

- Красота неопишуемая! - Выдала я шепотом, затем оторвалась от стены, сделала два шага назад и полюбовалась своей рюмочной фигурой. Сравнение с рюмкой вызвало неприятные ассоциации. Пить больше не хотелось, танцевать с чужими мужьями, тем более, поэтому я подошла к гардеробу, протянула номерок, получила взамен свою шубку, купленную пару недель назад, накинула ее на себя, еще раз бросила взгляд в зеркало на стене и вышла на улицу.

Зима в нашем регионе наступала не раньше Рождества, даже ближе к Старому Новому году, и как всегда неожиданно для коммунальных служб, тем приходилось трудиться, не покладая рук... дней десять. На этот раз стужа и последовавший за ней снегопад обрушились на католическое Рождество, в ночь на двадцать пятое декабря. Снег валил сначала крупными хлопьями целый день, потом засеменял крупинками, напугав жителей, потеплением и гололедом. Но затем резко прекратился, будто кто – то наверху перестал вытряхивать перину.

Неразбериха продолжалась всего день, пока снегоуборочные машины не расчистили проезжую часть, а дворники – тротуары. Затем все начали дружно радоваться пришедшей зиме: дети лепили снеговиков, катались на санках, взрослые решили испортить чистоту снега своими пыльными коврами. В общем, все, как обычно, но на пару недель раньше срока...

Я вышла в морозную ночь, полюбовалась красивой заснеженной панорамой города и, потопала на высоких каблуках домой. Хорошо, что ресторан находился неподалеку от моего дома. Нужно лишь перейти дорогу, миновать два девятиэтажных строения, а третья будет моим. Ой, забыла о здании Районной Администрации, перед которой стояла сверкающая огнями высокая ель. Я остановилась рядом с неизменным атрибутом новогодних праздников, втянула носом воздух, попыталась насладиться хвойным ароматом. Голова слегка закружилась, я попыталась сосредоточить внимание на каком-нибудь объекте. Этими объектами оказались два снеговика, пристроившиеся на заснеженной клумбе. Они выглядели, как во времена моего детства: три шара разного диаметра пристроились друг на друге, вместо носа – морковка, на голове одного пара мохнатых веток сосны, изображающие волосистой покров, а на голове другого – клетчатая

кепка. Да, такого мы в детстве не придумывали, - усмехнулась я и догадалась, что снеговики - женщина и мужчина.

- Даже снеговики и те ходят, тьфу, стоят парами, одна я... - Пожаловалась я непонятно кому и уже хотела двигать дальше, когда снеговик мужчина зашевелился и стал семенить ко мне. Я с интересом наблюдала за его походкой гейши, ничему не удивляясь.

Только сейчас я обратила внимание, что на руках снеговика красные рукавички. Лично я предпочитала вставлять им вместо рук тонкие палки с разветвлением вместо пальцев на концах. Но современные дети пошли дальше: не только позаботились о головном уборе, но и о руках.

Снеговик, наконец, доковылял до меня. Я заглянула ему за спину, надеясь, что его дама присоединится в нашей беседе, но она не двинулась с места.

Патриархат, - мысленно заключила я.

Между тем снеговик протянул мне руку в красной детской рукавице, я, как зомбированная, повторила его движение. Он легонько пожал ее и тихо, но внятно, произнес.

- Шубу сымай!

- Не сымай, а снимай, - на автомате поправила я, так как по образованию была филологом и не терпела, когда коверкают великий и могучий. Пару лет поработав в школе, я поняла, что мне до чертиков надоело ходить в драных сапогах и старом полушубке. Поэтому окончила курсы мастеров маникюра и устроилась в салон красоты. Материальная сторона жизни радовала двадцативосьмилетнюю девушку Аделаиду Шнуркову, то есть меня, а личная оставалась настолько личной, что о ней не знала даже я.

Снеговик в кепке опешил от моего спокойного заявления.

- Ты... не спорь, а... Короче, давай шкурку! – Приказал он зычным голосом, разлетевшимся по площади. Даже сам испугался и огляделся по сторонам. Я тоже проследила за его взглядом в надежде, что появится ОН и спасет меня и мою шубу.

Окружающее пространство не порадовало. Сегодня было тридцатое декабря, вернее уже наступило тридцать первое и нормальные граждане предпочитают в последнюю ночь уходящего года хорошенько выспаться, а не шататься по корпоративным вечеринкам, как работницы нашего салона. Но иначе нельзя. Сегодня у нашей смены был последний рабочий день, поэтому совместное празднование было назначено на этот день, плавно переходящий в последнюю ночь покидающего нас года. Завтра на трудовую вахту заступят девочки из другой смены, и я им не завидую: пропадут до шести, придут домой усталые и никакой Новый год не нужен.

Но я отвлеклась...

- На чем мы остановились? – Продолжила я «великосветскую» беседу со снеговиком.

- Ты чо, совсем того? – Он покрутил четырем пальцами в рукавике у виска, словно закручивал гайку.

- Не чо, а что, - снова поправила я и сложила колечком руки на груди, ожидая продолжения.

- Давай шубу! – Взвился он.

- Не – а, - отрицательно покачала головой я. – Во – первых, я ее себе подарила на Новый год, а подарки, как известно не передаривают. Во – вторых, я девушка большая, по морозу без шубы мне... некомильфо.

Снеговик задумался, даже сдвинул на лоб кепку, почесав затылок красной рукавицей.

- Что ты предлагаешь? – Спросил он после некоторого раздумья, словно вопрос с шубой был уже решен, но передача откладывалась на неопределенный срок. Именно, сроками интересовался снеговик.

- Мы можем пойти ко мне домой, - неуверенно предложила я, надеясь, что в тепле он растает, и проблема легко разрешится. Если не в прямом смысле, то в переносном, уж,

точно. Разглядит меня при свете лампы Ильича, забудет о своей второй половине и... оставит мне шубу. Как мужчина, снеговик меня не заинтересовал: я не отбиваю чужих мужей и предпочитаю высоких подтянутых молодых людей, а не дутышей на перевязочках, каким выглядел мой ночной собеседник.

Я решила продолжить наступление:

- Если я отдам Вам шубу, то останусь в одном вечернем платье, упаду, не дойдя нескольких шагов до дома, и умру от переохлаждения. Но учтите, перед этим, я накарябаю на снежном насте заявление: В моей смерти прошу винить снеговика в красных рукавицах.

Я снова взлохматила свои рыжие кудри, как это проделывала в ресторане и с видом гарпии уставилась на него. По выражению круглых глаз – пуговок было понятно, что снеговик уже был не рад, что связался со мной. Отвечать он не желал или боялся попасть впросак очередной неграмотностью.

Тогда я продолжила свой монолог.

- Если вы... стараетесь для своей дамы, то я могу предложить ей другую верхнюю одежду, - вовремя вспомнила я про куцую старую шубейку, или как я ее называла молесборник. Я боялась, что летучие твари почувствуют новый корм, коим являлось мое приобретение, и поэтому желала избавиться от старья. Случай представился.

- Пошли, - махнул рукой в варежке снеговик. Я пока не знала, какое из моих предложений он выбрал, но надеялась, что последнее.

Кивнув на прощание его даме, я неуверенно зашагала рядом, стараясь подстроиться под мелкошаговую перебежку гейши – снеговика.

Я не удивилась, что он знает, куда идти: оживший снеговик обладал неким даром, в котором я пока не разобралась.

Когда мы досеменили до моего подъезда, я почувствовала себя уверенной. Как филолог я знала много разных пословиц и поговорок: успокоение принесли родные стены, которые, как гласит одна из них, всегда приходят на помощь. Я покопалась в своем ридикюле, вытащила на свет божий связку ключей, отобрала один от домофона, прислонила к блестящему пятаку, раздался знакомый зуммер, и мы очутились в теплом нутре подъезда.

Я почувствовала себя хозяйкой положения и с независимым видом двинулась к лифту, но, не сделав и пары шагов, споткнулась и упала на что – то мягкое. Освещение в нашем подъезде оставляло желать лучшего, поэтому я не сразу сообразила, что за ворох тряпья смягчил мое падение. Сфокусировав зрение, я поняла, что подо мною... Дед Мороз. Я неприветливо зыркнула на снеговика: раз они из одной команды, то пусть он и объясняет, что на цементном полу делает пожилой труженик новогодних праздников.

Только сейчас я поняла, что... немного перебрала. Надо было остановиться на третьей рюмке, выпить за любовь и больше ни – ни. Но в душу закралась надежда, что еще один тост за счастье не только не повредит, а напротив, коренным образом изменит жизнь Аделаиды Шнурковой, то есть меня. На моих глазах стали происходить странные вещи: снеговик снял кепку вместе с головой, или попросту говоря с верхним шаром, который был самым маленьким. Шар оказался полым, из второго шара, большего размера, торчала прилохмаченная голова мужика средних лет. Несколько помятая и на удивление благоухающая приличным парфюмом. Безголовый снеговик наклонился над Дедом Морозом, присмотрелся и удивленно изрек:

- Петрович?! – Полувопросительное – полуутвердительное заявление заставило меня последовать примеру моего сопровождающего. Мне было легче оценить внешность Петровича, так как я продолжала возлежать на... пожилom мужчине и не собиралась подниматься: ноги после смены и хождения на высоких каблуках по гололеду гудели. Я была рада даже такому отдыху. Снеговик присел рядом и хотел поправить сдвинутую в сторону бороду, но вдруг резко отдернул руку, затем снова потянулся к бороде. Резинка, сидящая на макушке, сползла ниже, оголив шею, в которой зияло небольшой круглое

отверстие, из которого сочилась струйка крови. Даже непосвященному в такие дела человеку было понятно, что убийство произошло совсем недавно.

Я хотела упасть в обморок, но быстро передумала: вдруг испачкаю свою шубку. Чтобы отвлечься, я спросила у снеговика.

- Это Ваш знакомый? – Он только кивнул головой и привычно почесал затылок рукой в красной рукавичке.

У любительницы детективов Аделаиды Шнурковой сразу появилась свежая мысль – его убил снеговик! Потому и рукавицы не снимает, чтобы не оставлять отпечатков пальцев. Убил, вышел на улицу и стал поджидать меня, чтобы сопроводить до дома, создав с помощью меня собственное алиби. Мол, вместе зашли в подъезд, и нашли тело Деда Мороза. Откуда я знаю, что он делал до того, как познакомился с той женщиной, снеговичкой? И почему не взял ее в свидетели?

- А давно... Вы женаты? – Ляпнула я, не найдя более подходящего места для проснувшегося интереса к его семейному положению.

- Я разведен, - ответил он после паузы.

- А та... дама, что была с Вами на площади, она кто?

- Какая дама? – Не понял снеговик.

- Ну, снеговичка, - пояснила я, удивляясь его непониманию, и села поудобнее на Деда Мороза и изобразила круговыми движениями над головой вихревые потоки, пытаюсь напомнить мужчине прическу его знакомой.

- Снежная баба! – Догадался он. – Так... это... ее детишки слепили. – Недоуменно доложил он.

- А... вас?

Мужчина – снеговик окинул себя взглядом, сбросил легким движением невидимые пылинки и заявил.

- Это костюм такой, - и шмыгнул носом.

- А – а – а, - протянула я с отчетливым разочарованием в голосе, - так вы ненастоящий, - и щипнула его за ватно – мягкое тело.

Экс – снеговик странно посмотрел на меня и поинтересовался.

- Ты и, правда, идиотка или прикидываешься?

Я не смогла дать молниеносный ответ на поставленный вопрос, потому что мои мысли перескочили на другое. Уже давно меня занимала фраза из песни, исполняемой приятным мужским голосом: он доказывал всем привлекательным женщинам, что красивой такой быть нельзя! Возникал встречный вопрос: Почему? Почему идиоткой быть можно, а красивой нельзя? Потому, что красота и счастье ходят параллельно, согласно народному изречению? Это правило существует для тех, кто разбирается в геометрии. Если в школе учился неважно, то тебе по барабану, пересекутся параллельные прямые в обозримом будущем или нет. Я была прилежной ученицей, теоремы учила назубок и на всю жизнь запомнила, что параллели всегда живут отдельной жизнью друг от друга, как красота и счастье. Поэтому у меня не складывалась личная жизнь...

Я расправила плечи, выпрямила спину и тоненьким задушевым голосом затынула:

- Потому что нельзя, потому что нельзя, потому что нельзя быть на свете красивой такой... - Закончить мне не дали, снеговик прикрыл мой рот своей рукой в рукавице. Я попыталась скинуть ее, но безуспешно.

Он наклонился к моему лицу и спросил:

- Успокоилась? – Я кивнула, и затычка исчезла сама по себе. – Я сейчас уйду, а ты поднимешься к себе и вызовешь милицию! – Приказал он.

- Счас, - усмехнулась я, забыв о филологическом образовании.

- Не счас, а сию минуту, - поправил он.

- А ты?

- Я не горю желанием встречаться с органами правопорядка, - тихо заявил бывший снеговик, он же друг покойного Деда Мороза. – Расскажешь, все как было, только про меня ни слова.

Он помог мне подняться, и мы разошлись в разные стороны...

Я выполнила его приказ и села на диван в ожидании милиции. Потом не выдержала и прилегла, накинув на себя собственный подарок, с которым не хотела расставаться даже в тепле квартиры.

Меня разбудил переливчатый звонок в дверь. Я открыла глаза, послушала переливы и пошла открывать. На пороге стоял милиционер, но, увы, не дядя Степа. Этот представитель органов доставал известному персонажу в лучшем случае до талии.

- Капитан Каблуков, - представился он и приложился к головному убору. - Это Вы нам звонили?

- Я, - нерадостно согласилась я, обругав себя за гражданскую отзывчивость. И плавно провела рукой в сторону кухни, приглашая этим замедленным жестом пройти.

Каблуков не заставил себя упрашивать, прошел в кухню и устроился за столом, с серьезным видом раскрыл папку и приготовился к допросу свидетеля. Я сообщила о себе все данные, потом рассказала о моем падении, в прямом смысле этого слова, на труп Деда Мороза.

- Вам случайно не показался убитый мужчина знакомым? - Безразлично – напускным тоном поинтересовался капитан.

- А Вам? И не говорите, что здесь вопросы задаете Вы! Я имею право знать, кого нашла в собственном подъезде! – Огорошила я Каблукова. Он усмехнулся и сказал.

- Это известный домушник Селиверстов по кличке Петрович.

- Домушник! – Удивилась я. – Значит, он залез в чью – то квартиру, решив обчистить ее, хозяин застал его за этим неблагоприятным занятием, случайно... убил его и вытащил в подъезд! – Быстро обрисовала я картину преступления.

- Случайно убил ударом заточки в горло, - пробубнил под нос капитан, надеясь, что я не расслышу, а громче спросил, - Вы точно не видели раньше Селиверстова? Может во дворе или в подъезде?

- Нет, - отрицательно покачала я головой. – У меня зрительная память хорошая, если один раз увижу человека, то запомню на всю жизнь! – Заверила я Каблукова.

На этом мы расстались. Я вернулась на любимый диван и задумалась: К кому мог прийти домушник Петрович? И почему с ним знаком Снеговик? Я начала перебирать жителей подъезда, оценивая их благосостояние. Наивысшие оценки получили Загорулько со второго этажа: в их семье было две дорогих иномарки, и Фрунзиковы с моего восьмого этажа, у которых была самая навороченная, почти сейфовская, дверь...

В задумчивости я всегда начинаю «делать прически» на голове. Вот и сейчас, я подняла волосы и уже хотела закрутить на макушке дульку, но устремленный на пол взгляд выхватил на светло – бежевом ковре отпечаток сапога огромного размера...

Если бы пары коньяка успели улетучиться из моего организма, то я заголосила бы так, что позавидовал хор Пятницкого. Но выпившая девушка отличается от трезвенницы храбростью и быстротой принятия решений. Я хотела взять след, но он никуда меня не привел. А куда мог привести один единственный оттиск башмака? Я задумалась о размере ноги человека, посмеявшегося пересечь границы моего владения, считая это обстоятельство немаловажным. Даже приложила свою ногу к отпечатку, но она едва превышала его середину.

Вывод такой, - мысленного предположила мадам следователь, проведя осмотр отпечатка ноги незнакомца, - человек был великаном. - Я подняла глаза к потолку, надеясь отыскать там инверсионный след от головы преступника, пробороздившим «небо»

квартиры, как самолет. Ничего подобного не заметила и сделала очередное заключение, что рост человека составляет менее двух с половиной метров.

Затем я приступила к тщательному осмотру жилища. Особых затруднений это не вызвало: комната и прилегающие к ней отроки в виде прихожей, кухни и мест общего пользования не были мебельным салоном, заставленным выставочными экземплярами. Я заглянула в зеркальный шкаф-купе, успев при этом оценить свой внешний вид, который меня порадовал. Никогда ранее я не выглядела такой розовощекой и не светила глазами – изумрудами так ярко. Проверив все полки и не найдя обладателя отпечатка, я расстроилась. Потом растянулась на полу, заглянула под диван и ударилась взглядом о неизвестный предмет. Это были большие часы с хвостиком – цепочкой. Я попыталась дотянуться до них, при этом громко чихнула, мысленно поругав себя за бесхозяйственность, и наконец, вытащила их на свет божий. Я не очень разбираюсь в таких вещах, но читать умею. На стальном корпусе была выгравирована фамилия мастера и дата. Часы в этом уходящем году отметили столетний юбилей.

- Поздравляю, уважаемый, - я присмотрелась к гравировке и по слогам прочла, - господин Г. Мозеръ. Потом нажала на выступающую пимпочку, крышка открылась и часы предстали во все красе. Я приложила к ним ухом.

- Надо же, - удивилась я, - такие старенькие, а тикают. Я сверилась с современным прибором точной механики на моем запястье и удивилась еще больше: часы и старые, и... современные показывали одно время – пять часов утра.

Я захлопнула крышку, взяла часы за хвостик – цепочку и подняла над головой так, чтобы корпус находился напротив моего лица, и начала раскачивать из стороны в сторону, превращая в маятник.

Зачем я это делаю, - промелькнула мысль, но быстро погасла, не разгоревшись. – Может, я хочу ввести себя в транс и вытереть из памяти воспоминания сегодняшней ночи?

Но раскачивание привело к обратному результату: мне захотелось действовать, причем незамедлительно.

Я прекратила монотонное движение часов, перехватив их свободной рукой, осторожно водрузила на них цепочку, стараясь уложить ее по спирали. Работа увлекла меня, я оценила ее взглядом и неожиданно поняла, что мое внутренне напряжение совпадает с закрученной винтовой пружины. Чтобы ослабить степень сжатия, я должна немедленно принять успокоительное, сесть и все взвесить.

С часами на вытянутой руке я проследовала в кухню. Открыв дверцу шкафчика, я воззрилась на красивую коробку, где некогда было печенье, подаренное одним кавалером, а теперь хранились таблетки. Но мое внимание сместилось левее коробочки и выхватило из недр шкафа початую бутылку дагестанского коньяка, изготовленного в Дербенте. Я не бывала в тех местах, но уважала жителей за приготовление качественного напитка.

Автоматически я посмотрела на наручные часы: стрелки приближались к шести утра.

- Конечно, для выпивки рановато... Но это касается тех, кто только проснулся, а ежели ты, вообще, не ложился, то просто необходимо принять перед сном граммов пятьдесят. – Вслух заявила я, обращаясь в пустое пространство кухни. Укладываться в постель я не собиралась, но объясниться считала необходимым. Я мгновенно забыла о таблетках и потянулась за бутылкой, предварительно положил находку на стол.

Не считайте меня алкоголичкой, я редко пью, тем более в одиночку, но сейчас сидящая внутри спираль требовала расслабления. Прежде чем выпить коньяк, я сварила крепкий кофе, быстренько опрокинула в себя рюмку с коричневой жидкостью и расслабленно стала пить маленьким глотками горячий кофе. Жизнь моментально превратилась из холодно – серой, как корпус найденный часов, в розово – мягкую. Я с хрустом потянулась и сладко зевнула, скользнув взглядом по находке. Желание растянуться на любимом диване исчезло, будто его и не было. Я покосилась на бутылку и решила

возвратить ее на место, от греха подальше. Смесь горячего кофе и крепкого напитка блаженно разлилась по организму, совершив одновременно взрыв в голове. Взрывная волна привела в действие нижние конечности, которые засеменяли по квартире в поисках старенькой шубейки. Я решила отправиться на поиски снеговика и попробовать вытрясти из него сведения о Петровиче...

На месте знакомства я получила двойное разочарование. По – первых, снеговика не было, а во – вторых, его жена, или не жена, их отношения меня сейчас интересовали меньше всего, была варварским способом уничтожена ночными хулиганами. Обломок снежной головы с лохматыми кистями сосны лежал у моих ног. Я присела на корточки, провела по «волосам» рукой и завершила погибшую снеговичку и саму себя, что стану ей достойной заменой.

Я покопалась в карманах в надежде отыскать мобильник, но надежда не оправдалась – необходимый атрибут я забыла дома. На всех парах я ринулась к родному дому, показывая неплохие результаты, чего раньше за собой не замечала. Мобильничек лежал в прихожей и терпеливо ждал возвращения хозяйки. Я решила позвонить своей подруге Нонке Воронковой, с которой мы учились в институте. Филолог с высшим образованием превратился посредством обстоятельств в воспитательницу детского сада. Причина – помещение любимого чада в ближайший детсад.

- Нонка, привет, - радостно завопила я в трубку.

- Адка, ты с ума сошла. – Быстро поставила она диагноз. - Который час?

- Уже семь часов! – Доложила я, не обращая внимание на ее недовольство.

- Не уже, а еще, - поправила меня Воронкова.

- Извини, но у меня срочное дело! – Выпалила я на одном дыхании. – Это займет всего пять минут, а потом можешь дрыхнуть, хоть, весь день.

- С тобой заснешь, - уже мягче заметила подруга.- Ну, выкладывай, что за дело в семь утра тридцать первого декабря?

- Слушай, Нонночка, у тебя есть костюм снеговички?

- Кого? - Не поняла она, но одновременно убедилась в моей неадекватности.

- Ну... подруги снеговика, - промямлила я, мысленно поругав себя за невзвешенное высказывание.

- А чем снеговичка отличается от снеговика? – Заинтересовалась Нонка.

- Шевелюрой, - мгновенно доложила я, восстановив в памяти фигуру у администрации.

- Кх–м, - последовало замечание. Воронкова страдала неудержимым весельем по любому поводу и без оно, переходящим в икоту. Если она закатится, то наша беседа может затянуться на неопределенный срок.

- Послушай, Нонна Игоревна, - официальным тоном заявила я, обрывая попытки перехода к веселью, у меня тут ЧП, а тебе все хиханьки да хаханьки!

- Я что случилось? – Подобралась она.

- Сейчас у меня нет времени на обсуждение, но торжественно клянусь прийти на встречу Нового года пораньше и все тебе доложить!

Нонка быстро собралась и поведала, что их детсад берет костюмы напрокат и указала мне место, где находится эта служба.

Невзирая на ранний час, я устремилась по указанному адресу. Сегодня удача была на моей стороне: сначала в мою квартиру в мое отсутствие наведался незнакомец и оставил презент – старинные часы, а затем, и это было самым главным, служба по прокату новогодних костюмов в напряженные предпраздничные дни работала круглосуточно.

В маленьком предбаннике, именуемом холлом, по крошечному столу растеклось крупное тело. Это была женщина неопределенного возраста с травленными блондинистыми волосами и потухшим взглядом безразличия. Дама загораживала собой дверь, где вероятнее всего хранились костюмы.

- Здрассти, - с милой улыбкой произнесла я. Женщина лишь кивнула, с неудовольствием уставившись на меня, как на источник всех ее неприятностей. – У Вас есть...

- Ничего у нас нет! – Громовым голосом доложила тетка.

- Совсем? – Я сложила брови домиком, показывая свое расстройство услышанным фактом.

- Почти! – Женщина оставила маленькую надежду.

- А какие у Вас есть костюмы? – Начала я издалека. Мне пришла в голову умная мысль вырядиться во что угодно, лишь бы привлечь внимание снеговика.

- Девушка, что Вас конкретно интересует? – Обрубила мои намерения дама.

- Меня... интересует костюм снеговика, - я не стала ошарашивать женщину и называть жену снеговика снеговичкой, вспомнив реакцию Воронковой.

- Уж чего - чего, а этого добра у нас хватает! – Молниеносно повеселев, доложила она. – Нынче никто не желает рядиться в объемные тела, все хотят подчеркнуть свои достоинства, - дама опустила глаза и оценила личные достоинства, которые превышали допустимые.

Женщина вынесла мне костюм. Это были два сшитых друг с другом шара разного диаметра с полостью внутри и отверстиями для рук, голова шла отдельным элементом и одевалась, как скафандр. В ней были две овальных прорези – едва заметная под нос, над которой красовалась приклеенная из картона морковь, и побольше – для рта, две щели по бокам для прохождения звуков в уши, и два круглых глаза, которыми служили притемненные стеклышки, скорее всего от старых очков. Головного убора не было, но меня это обстоятельство не смутило: чем украсить лысый череп я придумала давно.

Я прихватила мешок с костюмом и полетела пулей домой, где быстро совершила превращение девушки в снеговика женского рода. На принадлежность к слабому полу указывал напаянный на круглую голову кудрявый парик с волнистыми локонами. Я не боялась, что окружающие начнут коситься на меня, сегодня был последний день уходящего года, граждане нашей страны находятся в цейтноте подготовки, так что шествие костюмированного субъекта не вызовет у них удивления. Перед уходом я уставилась на поддиванную находку в нерешительности: прихватить часы с собой или оставить дома? Я остановилась на втором варианте в связи с отсутствием карманов. Ключи я решила положить в варежку, как поступала в детстве, а карманные часы превратились в диванные, я не придумала ничего лучшего, как спрятать их под подушку. Оценив свою работу и погладив подушку рукой, я устремилась на выход.

В подъезде курил мой сосед Леопольд Фрунзиков. Это тот, у кого сейфовая дверь. Он скользнул по мне невидящим взглядом, замкнувшись на своих мыслях, и, слава богу: желания объясняться у меня не было. Я не стала дожидаться лифта, дабы сосед не одумался, и побежала вниз, если при моих габаритах это можно назвать бегом. Я переваливалась по ступенькам, как утка, и пыхла при этом, голову с париком пришлось на время спуска снять, чтобы не задохнуться.

- Ох, нелегкая это работа быть сыщиком, - вздыхала я. Само употребление слова «сыщик» вызывало радость от приобщенности к процессу расследования. Мне хотелось утереть нос местным детективам, а конкретно товарищу Каблукову.

Мне не пришло в голову, что снеговик выходит на охоту за чужими шубами только в ночное время. На площади кроме украшенной елки и прогуливающих бабушек с детьми никого не было. Я резко затормозила, заметив внимание окружающих. Дети с радостными улыбками приветствовали меня. Кое – кто захотел поздороваться за руку, другие предлагали поводить хоровод вокруг ели, некоторые взрослые доставали фотоаппараты и норовили сфотографировать свое чадо в компании со снеговиком. Я не могла отказать ребятам и выполнила все их просьбы. Весть о красавице снеговичке разлетелась по округе. Уже через пару часов вся площадь перед районной администрацией была запружена народом. Я трудилась, не покладая рук и ног. Никогда я

не чувствовала себя такой нужной, никогда мне так не радовались. Мы водили хороводы, пели песни, рассказывали стихи. Вдруг у самого уха раздался знакомый голос.

- Ну, и что ты здесь делаешь?

Я повернулась на голос и с удовлетворением заметила, что это мой знакомый в том же образе, что и ночью. Скорее всего, он меня не узнал и не мудрено: я сама себя не узнавала. Я не стала вступать в пререкания, схватила его за руку в той же красной рукавице и вовлекла в наше хороводное шествие. Снеговик не стал сопротивляться и включился в игру. Я забыла про расследование, про трескучий мороз, я просто вернулась в детство и поэтому была счастлива. Надо сказать, что мой напарник с удовольствием поддерживал все мои начинания.

Когда короткий декабрьский день посерел, дети стали расходиться. Я взглянула на часы. Почти четыре... Ничего себе, повеселились. После праздника всегда наступает грусть. Я невесело огляделась: площадь была пуста, кроме меня и снеговика никого не было. Он выжидающе смотрел на меня.

- Поговорим? – Мирнолюбиво предложил он.

- Ты меня не узнал? – Спросила я. Он прислушался к тембру моего голоса, вырывающегося, как из динамика, из нижнего отверстия головы – шара. – Мы с тобой ночью встречались, я потом ты меня проводил до дома, а в подъезде лежал твой знакомый Петрович. – Пояснила я.

- Это... ты? – Восхищенно удивился он. Я даже обиделась: когда шла с вечеринки в своем обычном виде, нотки восхищения в его голосе не угадывались. Но мне показалось его удивление напускным. Я хотела обдумать ситуацию, но снеговик грубо прервал. – Рассказывай, как все прошло! – Приказал он, переходя на деловой тон.

Я обстоятельно рассказала обо всем. Без движения мои ноги, обутые в старые ботиночки, стали коченеть.

- Может, пойдем ко мне, погреемся? – С надеждой в голосе предложила я и привела веский аргумент, - у меня есть хороший коньяк...

Снеговик кивнул, и мы, семена, как гейши, тронулись в путь...

Разоблачившись, мы потопали на кухню. Я быстро собрала на стол. При виде еды мой желудок начал издавать громкие звуки, только сейчас я вспомнила, что кроме утренней дозы коньяка и чашки кофе этот бедолага ничего не принимал.

Снеговик по – хозяйски наполнил рюмки.

- За знакомство! – Предложил он.

Я предварительно пожевала веточку петрушки, чтобы мои внутренности моментально не отреагировали на спиртное. Первая рюмка вернула меня на стезю расследования.

- Мы с тобой не познакомились, - начала я, почувствовав расслабленность и вседозволенность.

- Владислав, - представился снеговик, по – джентельменски пристав со стула.

- Аделаида, - кивнула я, опустив фамилию, подражая своему визави.

- Значит, еще раз за знакомство, - повеселев, предложил Владислав.

- Без значит, - по привычке поправила я. Он не стал пререкаться, приложился своей рюмкой к моей с благородным звоном и опрокинул в себя содержимое. За эти секунды я успела оценить его. Ночью, в подъезде, Владислав показался мне гораздо старше: на самом деле ему было лет тридцать пять. Взъерошенные волосы аккуратно легли по голове, поддавшись расческе. Глаза странного цвета, напоминающие цвет спокойного моря в хорошую погоду, смотрели на меня настороженно. Он понял, что от такой девушки можно ожидать чего – угодно. Чуть вздернутый нос добавлял лицу детской обидчивости, а пухлые алые губы – чувственности. Парень мне нравился, а после трех выпитых рюмок, я его полюбила всей своей одинокой душой. Душа стала искать приют и нашла его рядом с бывшим снеговиком.

- Давай выпьем на брудершафт, - предложила я. Не раздумывая, он с воодушевлением поддержал мое предложение. Я осторожно отпечатала свою несмываемую помаду на его губах и быстро отодвинулась на... незначительное расстояние. Мужчина не сводил взгляда с моих губ. Я догадалась, что Владислав проникся... Пока не поняла, чем конкретно, но предложение повторить придержала, ожидая от него ответных действий. Они не заставили себя ждать, и следующий поцелуй заставил мою голову прийти во вращение, а мое сердце трепетать.

- Кофе? - Вовремя отрываясь от него, сдавленным голосом спросила я. Он бросил взгляд на бутылку, опустошенную на две трети, и отрицательно покачал головой.

Моя голова потеряла связь с языком, я не удержалась и рассказала про найденные часы. И не только рассказала, но и показала.

- У Петровича таких не было, - задумчиво пробормотал Владислав, рассматривая мою находку.

- Откуда им у него взяться, - с проницательностью опытного сыщика заявила я. - Посмотри, какой год выгравирован на корпусе... - Я тоже наклонилась к часам, одновременно положил голову на плечо гостя. Шерсть свитера приятно щекотала мое лицо, желание отпрянуть не возникло. Владислав обнял меня одной рукой и ласково погладил по плечу.

Снеговичка растаяла...

Когда появилась возможность разговаривать, он сказал.

- Ты мне сразу понравилась.

- Поэтому ты захотел снять с меня шубу? - Усмехнулась я. Владик промолчал. Хмель выветрился из моей головы, но раскаяние за совершенный поступок не наступило. Мне было приятно лежать рядом с ним, чувствовать его и покусывать за плечо. Он покосился на меня и чмокнул в лоб.

- Ты очень красивая, - с придыханием сказал он. Я не придумала ничего лучше, как в эту интимную минуту спросить.

- Влад, ты женат? - Хотя, об этом надо было спрашивать на час раньше.

- Разведен, - еле слышно сказал он. - Я же тебе отвечал на этот вопрос...

- Тогда отвечал не ты, а Снеговик, - пошутила я, но Владислав не отреагировал. Было заметно, что поднятая мною тема его не радует, я постаралась замять свою оплошность и перевела разговор на сегодняшнее преступление. - Вы с Петровичем работали ... вместе?

- Ада, ты решила, что я вор? - Удивился он.

Я пожала плечами.

- А что я, собственно, должна подумать о человеке, который предложил мне снять ночью шубу.

- Я... давно хотел познакомиться с тобой. Мой дом напротив твоего, я люблю наблюдать за тобой...

- Как... наблюдать?

- Вооруженным взглядом...

- Ты... подсматривал за мной с помощью... оптических средств! - Возмутилась я. Он кивнул и привлек меня к себе. - Да, ты маньяк! - Я попыталась высвободиться из его тисков, но безуспешно. Когда я угомонилась, он заявил.

- Петрович мой сосед, я знал о его прошлом, но мне казалось, что он давно завязал.

- Не заговаривай мне зубы! В прошлую ночь ты следил за мной? - Он кивнул. - Зачем?

- Хотел проводить тебя до дома. Мало ли, что может случиться с молодой симпатичной девушкой...

- Допустим, - насупилась я, вспомнив о своей жизни, открытой чужому взору. - Но ты согласен, что вел себя... нетактично?

- Согласен! - Он впился в мои губы, и я простила ему все...

Нас отвлек звонок в дверь.

- Ты ждешь гостей? – Поинтересовался Владислав. Мы одновременно посмотрели на часы, висящие на стене.

- Мама дорогая, уже восемь часов. До нового года всего четыре часа, я обещала в девять быть у Нонки. – Скороговоркой произнесла я, набрасывая на себя халат, словно в таком виде собиралась мигом отправиться в гости.

- Ада, я не хочу расставаться с тобой!

- Мы не будем расставаться, мы вместе будем встречать Новый Год! У Нонки! – Я полетела в прихожую, за дверью которой притаился непрошенный гость, продолжавший призывно трезвонить в дверь.

Я привычно приложилась к глазку, увидела Фрунзикова и, не раздумывая, открыла дверь.

- Добрый вечер, Аделаида, - вежливо поздоровался он, не замечая моего взъерошенного вида. – Можно мне войти? – Он уже поднял ногу для преодоления порога, но я загородила проход, уцепившись за дверь.

- Нет! – Затем сообразила, что веду себя неприлично и пояснила, - я очень спешу... к подруге. Вы меня застали в процессе перевоплощения из повседневной девушки в праздничную. Только теперь он заметил мой непрезентабельный вид.

- Извините, но я всего лишь хотел задать один единственный вопрос, - Леопольд замялся, с трудом подбирая слова, - Вы не заметили прошлой ночью ничего необычного?

- Заметила, - отрапортовала я, переминаясь с ноги на ногу, желая быстрее закончить разговор. Моя спешка позволила, не задумываясь, выложить про найденный в подъезде труп. Хорошо, хватило ума умолчать о часах.

- Надо же, а я все интересное проспал, - с сожалением произнес он, будто прозевал встречу Нового года. - Как Вы сказали, зовут... убитого?

- Я Вам не называла его имени и отчества, не ловите меня на слове. – Я порадовалась своей остроте мышления.

- Но все же, - продолжал настаивать, теперь напрямик, сосед. – Или это тайна?

- Я с этим человеком не была знакома при жизни, а после смерти он своего имени не назвал. Почему – то. Такой невежливый господин! – Возмутилась я. – Но капитан Каблучков, которому поручено расследование дела об убийстве, назвал мне его кличку.

- И...

- Его зовут дед Мороз! – Выдала я. Не знаю, почему у меня появилось желание поиздеваться над высокомерным соседом, который не устаивал меня восхищенным взглядом, а иногда забывал поздороваться. Мое приветствие частенько повисало в воздухе и ранило самолюбие невниманием.

- Почему... дед Мороз? – Удивился Фрунзиков.

- Этот человек был в костюме деда Мороза, - пояснила я восхищенным шепотом. Леопольд странно посмотрел на меня, но я не стала дожидаться продолжения игры в ответы и вопросы, извинилась и захлопнула перед его носом дверь...

Когда я вернулась в комнату, но с недовольством заметила, что Владислав полностью одет.

- Аделаида, - официальным тоном заявил он. Я напряглась, ожидая двух направлений в этом заявлении. Первое - он предложит мне руку и сердце, а во втором варианте скажет, что наша встреча была ошибкой. Я начала мысленно просить, чтобы он пошел первым путем, но, как всегда, не угадала – Владислав выбрал свой путь. – Ты сейчас оденешься и покинешь свой дом, причем сделаешь все показательно: громко хлопнешь дверью, постучишь каблучками...

- Зачем? – Безразличным тоном поинтересовалась я. Он не выбрал первый путь – это занимало меня больше всего.

- Я хочу, чтобы все услышали: ты ушла встречать Новый год.

- А ты? – Напряглась я.
- Я останусь здесь! – Он раскинул в стороны руки, показывая, где именно он будет находиться.
- Все таки ты... домужник, - вздохнула я, не испытывая к нему неприязни. Только разочарование и пустоту. Возрадовавшаяся душа вернулась к своему одиночеству. – Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал... - Поморщилась я и незаметным движением смахнула одинокую слезу, не удержавшуюся в источнике влагоотделения.
- Адочка, ты ошибаешься, я не домужник, не вор и не грабитель. Я...
- Кто? – Поторопила я Владислава.
- Начальник убийного отдела, - выдохнул он.
- А я... подсадная утка, которую вы используете для ловли убийцы, - пораскинув мозгами, сказал я, нисколько не удивившись его заявлению.
- Нет-нет, - попытался разуверить меня мужчина. – Я, действительно, полюбил тебя... заочно, а сейчас, вообще, потерял голову. Наша встреча не была милицейской разработкой, она была придумана лично мною, чтобы познакомиться с тобой.
- А просто подойти и попытаться завязать знакомство ты не мог?
- Не мог. Ты видела себя со стороны? - Я автоматически подошла к зеркалу и оценила свой внешний вид. Несмотря на волнения, удовольствия и последовавшее за ними разочарование, выглядела я в целом неплохо: глаза – изумруды потемнели, но продолжала метать искры, рыжие волосы в завораживающем беспорядке струились по плечам, губы пылали. – Ты, как всегда, великолепна! – С восторгом заметил Владислав и встал у меня за спиной. Близко – близко. Я могла отклониться, как Пизанская башня, и почувствовать его... - Ада, ты всегда смотришь на людей презрительно – отрешенно, я боялся тебя, боялся подойти и заговорить с тобой. Я никого так в своей жизни не боялся, как тебя. – Он приложился губами к моему затылку, меня ударило током, и кровь забурлила в молодом девичьем теле. Он все понял, но не стал далее детонировать мои внутренности, взял меня за плечи и прошептал, - собирайся, дорогая.
- Я выполнила его пожелание, больше походившее на приказ. Привела себя в надлежащий празднику вид, нерадостно оценила в зеркале несоответствие прикида и смурного выражения лица, и громко покинула жилище, оставив Владислава одного. Напоследок я хотела забросать его вопросами, которые роились в моей голове, но он развернул меня к двери и легонько подтолкнул в спину...

Подруга, завидев меня, сразу спросила.

- Что случилось?
- Я... неважно себя чувствую, немного полежу, и все пройдет. – Мне захотелось уединиться и разобраться в сложившейся ситуации. Нонка отвела меня в детскую, уложила на диван сына, который гостил у бабушки, накрыла одеялом и ушла. Для начала я поревела, а затем... заснула.
- Когда Воронкова меня разбудила, часы показывали половину двенадцатого.
- Адка, тебя спрашивает симпатичный мужчина, - с лукавой улыбкой доложила она и кивнула в сторону прихожей. Я подпрыгнула и бросилась туда.
- В прихожей стоял мой... снеговик и стаскивал с рук красные рукавички. Я бросилась к нему, не зная, как мне обнять перевитое в двух местах тело. Я не выдержала, сняла голову – шар, привстала на цыпочки и приложилась к его холодным губам.
- Влад, я так рада, - с трудом оторвавшись от него, произнесла я. – Как все прошло?
- Все разговоры оставляйте на потом, - вмешалась Нонна. – До наступления Нового года всего четверть часа...

В шесть утра первого дня наступившего года два снеговика семенили по улице, держась за руки. Это Влад притащил мой костюм к Нонке.

- Я поменял замок на двери, твой сосед Фрунзиков его раскурочил. Он проник в квартиру и оказался в моих объятиях. Так перепугался, что все рассказал. Он вместе с Петровичем ограбил квартиру на втором этаже.
- Сто тринадцатую, где живут Загорулько, - вмещалась я.
- Да, - удивленно подтвердил мужчина, - а...
- Неважно, - отмахнулась я, - продолжай, мне очень интересно...

Леопольд Фрунзиков был заядлым коллекционером старинных часов, причем таким фанатом коллекционирования, что за очередное пополнение коллекции мог пойти на любое преступление. Тем более, за плечами была бурная молодость с небольшим сроком отсидки, и завуалированная криминальная жизнь в более зрелом возрасте. Однажды Фрунзиков увидел у Ивана Загорулько старинные карманные часы. В его коллекции были часы фирмы «Мозеръ», но именно таких не было. Леопольд потерял покой и сон. Тревожное время длилось недолго, приближалось празднование Нового года, а коллекционер знал, что вся семья Загорулько по сложившейся многолетней традиции поедет на все рождественские каникулы в Швейцарию. Фрунзиков был уверен, что Иван не повезет через границу старинную реликвию.

Леопольд, имея знакомства в криминальном мире, вышел на умельца по вскрытию чужих замков Селиверстова по кличке Петрович, который должен был оказать содействие в изъятии часов из квартиры Загорулько. Конечно, если бы дверь соседа не была такой внушительной, то коллекционер не стал привлекать постороннего человека. Сначала Петрович отнекивался, но после убедительных доводов Фрунзикова сдался.

- Мне нужны только часы, все остальное твое, - предложил сделку Леопольд и Селиверстов, несмотря на «завязку», согласился.

Все ценное предприимчивые хозяева припрятали в сейф, вскрыть который Петровичу не удалось. Но карманные часы фирмы Генри Мозер преспокойно лежали на прикроватной тумбочке. То ли Иван все же хотел взять их с собой и забыл, то ли запомнил присоединить их к остальным ценным вещам.

Пока Фрунзиков оглядывался и присматривался, Петрович опытным взглядом выхватил ценный предмет, засунул себе в карман и, не помахав нанимателю ручкой, покинул квартиру Загорулько. По непонятным причинам Селиверстов двинулся наверх, опомнился только на восьмом этаже, заслышав быстрые шаги напарника. Он заметался в поисках укрытия, позвонил в первую попавшуюся дверь, а когда никто не откликнулся, попросту вскрыл ее. Уже потом до него дошло, что это может быть квартира Фрунзикова. Петрович лишь знал, что тот проживает на восьмом этаже. Он заметался, перед глазами возник диван, под который он и засунул свое тело. Переждав с полчаса, Селиверстов выбрался из укрытия и покинул квартиру, не заметив, что часы выпали из его кармана и остались лежать под диваном...

Его снова потянуло наверх. Поднявшись на последний девятый этаж, он с неудовольствием обозрел запертую на висячий замок дверь на крышу. Само вскрытие этого примитива советского производства не сулило сложностей, но сопутствующий шум мог привлечь внимание спящих жильцов и бывшего напарника Фрунзикова. Может, Петрович и предпринял попытку покинуть дом через соседний подъезд, но у него появилась интересная мысль. А сподвиг на нее некий субъект в образе деда Мороза, мирно спящий на пороге одной из квартир.

Селиверстов освободил его от дедморозовского наряда, напялил его на себя и потрусил вниз...

Леопольд чувствовал, что напарник не покидал пределов подъезда и терпеливо ждал его у выхода. Появившийся в пределах видимости дед Мороз выказал подозрительность не только внеурочным разгуливанием, но и странным поведением: при виде Фрунзикова он

резко развернулся и попытался сбежать. Расторопный Леопольд на бегу ухватил деда за полу шубы и дернул на себя. Оба завалились на пол, началась возня.

- Где часы? - Отдуваясь, задавал один и тот же вопрос Фрунзиков, шаря по карманам шубы. Он навалился всем телом на Петровича, пригрозив ему заточкой, приставленной к горлу, - лежи смирно.

Селиверстов замер. Леопольд тем временем спокойно проверял свободной рукой карманы собственной одежды домушника, в наряде Деда Мороза пропажа не обнаружилась. С каждой проверкой накатывала волна разочарования. Последний обшаренный карман добил Фрунзикова окончательно. Он ухватил бывшего напарника за бороду, словно это была его собственная. В итоге борода съехала в сторону.

- Говори, где часы? – Прошипел Леопольд.

- Не... не знаю, - прохрипел испуганный Селиверстов, - были в кармане.

- Но сейчас их там нет, - с ласковой угрозой в голосе сказал коллекционер.

- Может, они выпали...

- Где, где ты их мог потерять!? – Взвился Фрунзиков, надавливая заточкой на горло. – Если ты... не вспомнишь, будешь встречать Новый год в аду! Мучиться не будешь, мне это проделывать не в первой. – «Успокоил» он бывшего подельника.

- Наверное, в той квартире, на восьмом этаже...

- В какой квартире? – Леопольд ухватил его левой рукой за воротник шубы и с силой встряхнул, не отнимая заточки. Коллекционер не ожидал, что колющее оружие легко войдет в горло Петровича.

Фрунзикова привел в чувство зуммер домофона. Он вскочил с тела Селиверстова и помчался вверх по лестнице...

- Вот такая... новогодняя история с грустным концом, - вздохнул Владислав.

- Может, у кого и грустный конец, а у меня, надеюсь, только начало счастливой долгой истории, - с радостной улыбкой, спрятанной под голову - шар, заявила девушка.

Снеговик притянул ее к себе.

- Я тебя очень люблю, моя дорогая Снеговичка...

Декабрь 2010года.